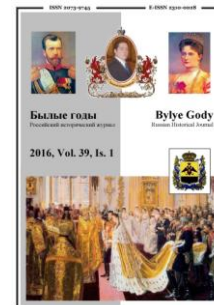

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 39, Is. 1, pp. 120-128, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The problem of relations between the Russian Orthodox Church and the Muslim communities of Western Siberia in the context of state-confessional policy of the Russia in the second half of XIX - early XX century is considered in the article. The dominant position of the Russian Orthodox Church led to the fact that the government regarded it as a companion for the policy of russification and degradation of the features of non-Orthodox religions, including Islam. This line of national policy in Russia forced the Muslim community to defend their rights. The government's attempts to interfere in religious affairs did not lead to result, but caused the indignation in the Muslim world. A decree on strengthening the foundations of religious tolerance, adopted in 1905, reduced the number of foreigners who wanted to embrace Orthodoxy. Since that time a great opportunity offers for the functioning of the Muslim communities in different regions of the Russian Empire, although total freedom of conscience was absent.

Keywords: Islam, Orthodoxy, Western Siberia, state-confessional policy, Baptism, toleration.

1. Введение

Выстраивание межконфессионального диалога является одной из важнейших проблем в поликонфессиональном обществе. Россия, сложившаяся в силу исторических причин, как поликонфессиональное и полиэтничное государство, на протяжении длительного времени выстраивала национальную политику с учетом особенностей этнических и религиозных процессов. Расширение территориальных границ российского государства через присоединение Поволжья, Кавказа, Сибири, на которых традиционно проживало мусульманское население, закономерно поставило вопрос о построении межконфессионального диалога. Ислам, являющийся по данным переписи 1897 г. второй по численности конфессией Российской империи (Ибрагимова, 2006), вынуждал правительство принимать меры по его регулированию в рамках православного государства. К тому же следует отметить, что одной из проблем, с которой столкнулся ислам в рамках православно ориентированной страны, это невозможность полноценно заниматься миссионерской деятельностью. Одной из основных задач правительство видело в объединение народов, проживающих в государстве под покровительством православной церкви. В связи с этим, государственная власть оказывала поддержку церкви в миссионерской деятельности в инородческой среде. Благодаря Указу от 1773 г., который внес коррективы в жизнь мусульманских общин России, давление на них было несколько ослаблено (ПСЗ РИ, 1830: 775–776). В тоже время, через христианизацию инородческого населения государство стремилось решить важную задачу своей политики, направленную на приобщение к русской культуре, а порой непосредственно русификацию этих народов (Бессмертная и др., 2010: 132; Dashkovskiy, Shershneva, 2015: 218].

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (P.K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (E.A. Shershneva)

2. Материалы и методы

Наиболее объективно рассмотреть роль государства в выстраивание межрелигиозных взаимоотношений между двумя ведущими конфессиями — православием и исламом, позволяют архивные материалы. Они представлены циркулярными распоряжениями, отчетами миссионеров Русской православной церкви, различными прошениями мусульман, а также законодательными актами по регулированию жизни мусульманских общин в рамках православно ориентированного государства. При подготовке статьи использовались материалы, хранящиеся в архивах Алтайского края, Омской и Томской областей, а также историческом архиве Республики Башкортостан. Работа построена на методологических принципах историзма, которые позволяют рассматривать процесс взаимодействия конфессий, как обусловленный не только внутренними факторами развития конкретной религии на региональном уровне, но и спецификой государственно-конфессиональной политики Российской империи. В работе использовались сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и ретроспективный методы. Применение сравнительно-исторического метода позволило проследить взаимоотношения мусульманских и православных общин Западной Сибири. Проблемно-хронологический метод дал возможность рассмотреть государственную политику в отношении правового положения мусульманских народов в сибирском регионе. Ретроспективный метод использован для анализа процесса возвращения из православия в ислам инородческого населения.

3. Обсуждение

Проблема отношения государства к исламу в России рассматривалась такими исследователями как, И.Л. Алексеев, И.В. Октябрьская, Д.Ю. Арапов, А.К. Тихонов. В работах данных историков отмечаются неоднократное изменение государственной политики России в отношении народов мусульманского вероисповедания на всем протяжении имперского периода. Особое внимание ученые уделяли вопросу, связанному с массовым переходом крещенных мусульман в ислам. Как отмечают исследователи, правительство усмотрело в исламе угрозу самодержавной власти и нарушение устоев православной традиции. Однако, несмотря на это, проводимая правительством политика не стремилась к полному уничтожению исламской традиции (Алексеев, 2002: 34; Октябрьская, 2008: 342; Тихонов, 2008). Решение данных проблем, по мнению исламоведов, российское правительство видело в создании Управления делами инородцев. Это управление в последствии было преобразовано в Департамент Духовных дел иностранных исповеданий. В результате такой орган направил свою деятельность фактически на тотальный контроль со стороны государства, в т.ч. за представителями мусульманского вероисповедания. Кроме того, в 1857 г. был принят «Устав духовных дел иностранных исповеданий», один из разделов которого специально посвящен мусульманам (Ислам..., 2001: 20). Ряд исследователей отмечает так же усиливающееся влияние «татаро-мусульманского сепаратизма» и в целом влияние ислама на инородческое население страны (Ремнев, 2006: 14; Тихонов, 2007: 61–62; Шерстова, 2000: 106; Шершнева, 2013; Верг, 2012: 97). Отдельное внимание в отечественной историографии уделяется проблемам взаимоотношений мусульман с представителями православия в России в указанные временные рамки (Мавлютова, 2002; Октябрьская, 2002; Цысь, 2002).

4. Результаты

В процессе изучения данной тематики было установлено, что результатом возникших опасений со стороны российского правительства в отношении ислама стало обращение за помощью к православной церкви. При поддержке правительства в 1870 г. в Москве было создано Всероссийское православное миссионерское общество, которое распространила свою деятельность во всех епархиях Сибири. Следует отметить, что оказываемая миссиям со стороны правительства финансовая поддержка, была ориентирована во многом на сибирский регион и достигала 50%. К началу XX в. данный регион становится центром миссионерской деятельности, где в этот период действовало восемь православных миссий. Среди последних самыми крупными считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская (Dashkovskiy, Shershneva, 2015: 219).

Последнее двадцатилетие XIX в. ознаменовалось наиболее жестким отношением к исламу в Российской империи. Неслучайно правительство начинает вводить ряд ограничений, ущемляющих духовные потребности мусульман. Так, было запрещено создание просветительских обществ, а также введены ограничения на паломнические поездки в Мекку (Султангалиева, 2007: 14). Данный период в истории Российского государства характеризуется политикой «православного консерватизма» и попытками ограничения в правах мусульманского населения со стороны государства. Относительной свободой были наделены мусульмане только в 1905 г. после выхода Указа «О веротерпимости» (ПСЗРИ, 1908: 258–262), который во многом способствовал активизации мусульманской проповедческой деятельности среди инородческого населения. Данный Указ усложнил деятельность православных духовных миссий и повлек за собой переход в ислам ранее крещенных мусульман. Принятие данного Указа вызвало, так же потребность введения мусульманами проповеди основ мусульманской веры. При этом миссионерская деятельность Русской православной церковью

начинает восприниматься инородческим населением крайне негативно, и расценивается как ущемление их религиозных свобод (Мавлютова, 2002: 196).

Следует подчеркнуть, что процессы взаимоотношений православия и ислама в контексте государственно-конфессиональной политики достаточно остро стояли в Западной Сибири. С момента вхождения данных территорий в состав Российского государства, вопрос взаимодействия двух конфессий – ислама и православия, являлся одним из ведущих. С появлением Алтайской духовной миссии, а также принятием правительством ряда законодательных актов регламентирующих жизнь представителей инославных конфессий на территории Российской империи, данная проблема стала как никогда актуальной. Весьма показательными в этом отношении являются сведения, приведенные Н.М. Ядринцевым о количестве мусульман среди инородцев Западной Сибири. Согласно его данным, в Тобольской и Томской губерниях, количество исповедующих ислам составляло 126126 человек, т.е. 85 % от всего инородческого населения данных губерний (Ядринцев, 2000: 219).

Важно отметить, что, несмотря на поддержку правительством Русской православной церкви, отношение к исламу на всей территории Российской империи, не было однородным. Так, государственная власть видела необходимость оказывать поддержку и содействие в распространение ислама, на приграничных территориях, в особенности в центральном-азиатском регионе. Распространяя ислам в «степном крае», правительство стремилось укрепить свои позиции в инородческой среде. Инородцы, по мнению правительства, на тот момент не имели никакого закона, кроме мусульманского. В этой связи, если пытаться искоренить ислам в их среде, то они могут стать опасными для стабильности государства. Активная поддержка со стороны правительства ислама в «степном крае» вызвало недовольство в киргизской среде и вынудило обратиться с прошением на имя императора о прекращении строительства на территории киргизской степи мечетей и школ, а также назначения ахунов и указных мулл. Кроме того, киргизы просили разрешить не отдавать детей на обучение в школы (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 6). Против деятельности правительства в Киргизской степи выступали и представители Русской православной церкви (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 70б.). Глава Алтайской духовной миссии в своем отчете отметил, что правительство в религиозном институте видит только средство управления народами, проживающими в государстве (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л. 90б.).

Изменение отношения к исламу в Российском государстве зависело от социально-экономических и геополитических аспектов взаимодействия с центрально-азиатским регионом. На протяжении всей истории ислам представлялся дестабилизирующим фактором власти Российского государства. Для обеспечения своей безопасности правительство осуществляло русификаторскую политику, иногда способствуя разжиганию конфликтов по религиозным и этническим вопросам. Кроме того, власть стремилась к ограничению зарубежных контактов в мусульманской среде (Томилов, 1993: 95). Русская православная церковь, как часть государственной структуры, взяла на себя обязанность по приведению инородческого населения к единой государственной вере (Поплавская, 1995: 101). Однако, несмотря на поддержку со стороны правительства, церковь не испытывала уверенности на инородческой территории.

С середины XIX в. отношение между исламом и православием в Западной Сибири изменяются. Правительство и представители Русской православной церкви видели своей задачей создание государства с размытыми как национальными, так и религиозными границами. Особое внимание в этот период начинает уделяться разработке теоретических основ ведения миссионерской деятельности. Одним из главных теоретиков принципов ведения миссионерской деятельности в инородческой среде становится архимандрит М. Глухарев, который видел успех миссионерства в принятии норм христианской морали, но при сохранении языковой идентичности инородческого населения (Глухарев, 1894). Правительство всячески оказывало содействие миссионерским станам, в результате чего в 1844–1848 гг. было образовано Черно-Ануйское отделение Алтайской духовной миссии, которое в последствие станет основой противомусульманского центра. В 1856 г. правительство приложило не мало сил по нейтрализации ислама вдоль казачьих линий в приграничных территориях. В 1882 г. Синодом был открыт еще один центр борьбы с мусульманским влиянием – Киргизская миссия. Целью данной миссии было ограничить распространение ислама среди инородческого населения «степного края» (Октябрьская, 2002). Теоретическая поддержка миссионерам выразилась и в издании с 1873 г. «Миссионерского противомусульманского сборника». Попытки публикации подобного рода литературы предпринимались и ранее. Так, с 1855 г. выходит в свет журнал «Православный собеседник», который становится ежемесячным изданием. С 1912 г. в нём начинают публиковать приложение «Инородческое образование» (Бессмертная и др., 2010: 140).

Подчеркнем, что Русская православная церковь стремилась сделать переход в православие как можно более необременительным и привлекательным для инородческого населения. Так, в 1854 г. и 1863 г. утверждаются новые правила перехода в православие, согласно которым не требовалось разрешение властей. Кроме того, для детей в возрасте 14 лет отменялось согласие родителей для такого перехода (Лысенко, 2010: 37). Данные послабления были направлены на препятствие влияния со стороны ислама на инородческое население. Несмотря на все предпринимаемые меры, до последней трети XIX в. не велась миссионерская деятельность в степных районах. Только экономический кризис подтолкнул кочевое инородческое население к принятию православия, т.к.

это позволяло получить некоторые льготы (Горбунова, 2003). Всплеск желающих принять православие в казахской среде отмечался только в 1868 г., что связывают с ухудшением политической обстановки в приграничных районах. Однако, массового перехода в православие, несмотря даже на экономический кризис среди инородческого населения, не наблюдался. Такие утверждения подкреплены и статистическими данными, свидетельствующими о том, что если с началом ухудшения положения инородческого населения в приграничных районах, желающих принять православие насчитывалось 1037 душ, то с улучшением обстановки в регионе их число сократилось до 328 душ (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 82. Л.16об.; Цысь, 2002: 244–246).

Следует так же отметить, что принятие православия носило лишь внешний характер, т.к. мусульмане, по-прежнему, оставались преданы своим традициям. Для привлечения к православной традиции новых последователей, правительство призывало духовенство быть как можно более лояльными, т.к. не соблюдение церковных правил может быть вызвано условиями жизни. В «Положении об инородцах» (1892 г.) вопросу отправления культов уделялось особое внимание, опираясь на «Устав духовных дел иностранных исповеданий». Согласно нормативным документам, священники должны только увещевать инородческое население. Волосные же начальники имели право принуждать уклоняющихся к исполнению церковного долга, тем самым, оказывая поддержку православной церкви (Конев, 2008: 319).

Следует подчеркнуть, что мусульмане всегда очень ревностно относились к своей религии. В этой связи, предавших религиозные устои, подвергали не только осуждению, но даже могли избить или убить. Такие сведения сообщались, например, миссионером Е. Елисеев (Басилов В.Н., Кармышева, 1997: 123). Миссионеры в своих записках очень часто информировали об отношении мусульман к своим близким, принявшим православие. Ими отмечались случаи воровства новокрещенных соплеменниками (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 14). Все эти действия часто носили разбойничий характер. Несмотря на это, мусульманам всячески запрещалось вести проповедническую деятельность среди своих соплеменников, а в случае нарушения правила, такие действия наказывались судом (ГААК, Ф. 164. Оп. 1 Д. 3-в). Не были исключением и лица, вернувшиеся в ислам из православия. Судопроизводство по данным вопросам было прописано в Министерстве внутренних дел и свидетельствовало о строгом наказании за отступничество. При этом духовные власти должны были активно принимать участие в таких судебных процессах и предоставлять сведения об увещевании, желающего перейти в ислам (ГАОО, Ф. 3 Оп. 13. Д. 17959).

В тоже время следует отметить, что процессы перехода не носили односторонний характер. Наблюдался процесс и принятия православия инородческим населением. Мусульмане видели проблему перехода в православие мусульманского населения в очень активной деятельности миссионеров, что в свою очередь, вызывало у них крайнее недовольство и протест. Так, например, телеут Курма Черин, старался всевозможными средствами расстроить деятельность Алтайской духовной миссии, в том числе даже вооружал и настраивал новокрещенное инородческое население против миссии и христианства в целом (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 4). Следует так же отметить, что деятельность духовной миссии тесным образом связана с русификаторской политикой государства. Отстаивая свою веру, мусульмане выступали за свою этническую независимость, т.к. ислам воспринимался ими как признак самоидентичности. Об этом, в частности, свидетельствует и приговор Туражской инородной управы в 1891 г. (Шерстова, 2005: 75)

Деятельность миссионеров заключалась в проповедовании на поселениях инородцев, где зачастую они вступали в споры с мусульманскими лидерами, в т.ч. приехавшими на Алтай (ГААК, Ф. 164. Оп. 2. Д. 2. Л.95об.). Беседы велись и с муллами, о чем есть упоминание в записках миссионеров. Так, священник Иоанн Никольский, рассказывая о своем общении с муллой, произошедшим в 1891 г. отмечает, что тот охотно рассказывал о своей деятельности среди мусульманского населения. Однако, как только зашел разговор об основах веры, он всячески старался уйти от разговора. Кроме того, мулла отметил, что «в какой человек вере родился в такой и должен умереть», после чего вообще перестал отвечать на любые вопросы (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л.15; Иванцова, Коновалова, 2002: 171). Нужно обратить внимание на то, что деятельность миссионеров часто носила агрессивный характер. Отмечались моменты, когда миссионеры, обратив в православие незначительную часть мусульманского населения, начинали преследование остальных инородцев (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 15об.; ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 48). Подобного рода отношения породили в миссионерской среде убеждение о фанатичности татарского населения в религиозных вопросах. Такие воззрения подтверждаются записками миссионера Большенарымского стана Киргизской миссии за 1891 г., в которых он сообщает, что киргизы «преданы... настолько, насколько может быть предан человек своей вере, ... По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут, и это счастье наше! Именно киргизы не имеют этих свойств характера, которые питают и разогревают фанатизм: нет в них характерной стойкости и религиозности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатические мусульмане. Впрочем, ислам способен перевоспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе» (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 48. Л. 11). Отмечали миссионеры так же и то, что инородцы «степного края» мало знакомы с мусульманской традицией», поэтому даже обряды не исполняют (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 13).

После враждебного отношения со стороны Русской православной церкви и правительства к инородческому населению, не вызывает удивления появившаяся в татарской городской среде антирусская литература, в которой прославлялся мусульманский народ и оплакивалась его зависимость от русского государства. Данная литература носила вид рукописных тетрадей, которые передавались из поколения в поколение в школах. Проведенная проверка, выявила факт наличия и печатной литературы Константинопольских изданий, в которых высказывались явно сепаратистские настроения (ГААК, Ф. 181. Оп. 1. Д. 41).

Следует так же отметить, что принятие православия зачастую являлось для мусульман вопросом финансового благополучия, а также наиболее комфортного устройства жизни. Данное утверждение подтверждается таким фактом, как прошение ссыльного крестьянина Енисейской губернии Красноярского уезда, отправленное на имя Томского епископа в 1907 г. о желание принять православие, т.к. нет возможности исполнять мусульманские обряды (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л.75–75об.). Крестьянин настаивал на отсутствие в Сибири мусульман, а соответственно и мечетей. Можно заметить, что принятие православия носило поверхностный характер, т.к. мусульмане не могли воспринять христианской догматики. Неслучайно, священник Черно-Ануйского отделения Алтайской духовной миссии сообщал, что инородцы, принявшие православие, оставались верны своим традициям (ГААК, Ф. 164. Оп. 1. Д. 135. Л.10–10об.).

Следует подчеркнуть, что средний возраст просящих о переходе в православие составлял 20–30 лет. Данный факт не мог не сказаться в дальнейшем на возврат в веру предков, т.к. такая возрастная группа находилась под влиянием родственников. Нельзя не отметить и другое обстоятельство, а именно то, что, принимая православие, мусульмане либо избавлялись от ряда повинностей, либо согласно Своду законов Российской империи, они заменялись налоговыми выплатами (СЗ РИ, 1912: 86). Такая политика, проводимая государством, устраивала мусульманское инородческое население, что подтверждают и архивные источники. Так, один из инородцев приписал своему сыну в паспорте 10 лет, дав взятку старшине. Однако данный факт был раскрыт при крещении, т.к. потребность в сокрытии истинного возраста стала не нужна (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3049. Л.130б.).

Зачастую мусульмане аргументировали предвзятое отношение к православию сложностью проживания в новой религиозной среде. Враждебное отношение со стороны русского населения, как отмечают миссионеры, не способствовало укреплению православия среди мусульманского населения. Более того, просвещение в вопросах веры приводило к затруднениям и как следствие к отступлению новокрещенных от православия (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3049. Л.82об.).

Политика правительства, направленная на приостановление перехода в ислам крещенных татар, только увеличила количество желающих вернуться к вере предков. Не сдерживало этот процесс и то, что, вернувшиеся в ислам крещенные татары, становились группой лишенной всех прав. Именно вернувшиеся к вере отцов мусульмане вынуждены были отстаивать свои права на отправление мусульманских культов, а также разрешение быть причисленными к мусульманскому населению российского государства. Единоверцы оказывали всяческую поддержку вернувшимся из православия мусульманам (Лысенко, 2010: 133).

Участившийся переход их православия мусульманского населения, заставил Томского и Барнаульского архиепископа в 1905 г. установить правила крещения евреев и мусульман. Согласно принятым правилам, прежде чем креститься, инородец должен тщательно ознакомиться с основами православной веры. Священник, в свою очередь, должен осуществлять контроль за соблюдением религиозных норм, а также правил, предшествующих крещению (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л.20–21). Дела, связанные с переходом в мусульманскую веру, рассматривались с особой тщательностью. Наглядным примером, может стать дело крестьянина Кирилла Нифонтова, рассматриваемое в 1872 г. в Духовной консистории, которое, в свою очередь, направило его на рассмотрение областного правления. Статистическое управление и священник обязаны были провести вразумление данного крестьянина, а затем взять подписку о не уклонение его из православной веры (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 605. Л.1–3). С аналогичной проблемой столкнулась и Тобольская духовная консистория, рассматривающая дело по несоблюдению киргизом Федором Максимовым правил христианства. В результате расследования выяснилось, что еще и его тесть, считающийся православного вероисповедания, живет в действительности по мусульманскому обычаю, имеет двоих жен, что православной церковью расценивается как прелюбодеяние (ГАОО, Ф.3. Оп. 10. Д. 16318).

Подчеркнем, что процесс возвращения в православие был фактически делом государственной важности. Переход инородцев из православия рассматривались Духовной консисторией. Это подтверждается архивными материалами, касающихся уклонения крестьянина Илии Федорова от исполнения православного обряда. Несмотря на то, что крестьянин отрицал свою принадлежность к православной традиции, он был отдан под суд, а к делу приложены увещательный акт и выписка из метрической книги (ГАТО, Ф. 170. Оп. 2. Д. 2564. Л.3–9).

Несмотря на все старания государства и православной церкви, данный процесс перехода из православия в ислам был необратимым. В связи с этим, уже в 1905 г. Министерством внутренних дел, было сделано циркулярное предписание, согласно которому переход в иную конфессию, должен был сопровождаться прошением, написанным на имя губернатора. Только после этого проводилось

расследование, в ходе которого устанавливали какого вероисповедания были предки и уклонялся ли человек от исполнения христианских обрядов (ЦГИА РБ, Ф. 295. Оп. 11. Д.495). Дела, касающиеся вопросов оскорбления чувств верующих инославных исповеданий, как правило, всячески затягивались государственными органами, о чем свидетельствует, например, судебное дело по жалобе приказчика из г. Бийска об оскорблении его и мусульманской религии. Приказчик подал жалобу о том, что купец Гилеев оскорбил его в полицейском участке, назвав его и пророка Мухаммеда, обманщиками. Однако данное разбирательство продлилось несколько лет, и, несмотря на привлечение Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, купец так и не был наказан за клевету и оскорбление религиозных чувств (ЦГИА РБ, Ф. 295. Оп. 3. Д. 6230).

5. Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что Русская православная церковь являлась определенным средством для проведения государственной религиозной политики в Западной Сибири. К тому же, представители православной церкви часто проявляли свою не дальновидность, и, опираясь на поддержку правительства, выстраивали отношения с представителями мусульманской традиции преимущественно не в диалоговой форме, а в форме господства над ней, что воспитывало фанатизм в мусульманской среде. Несмотря на активную политику, проводимую государством и церковью по привлечению мусульман в православную веру, количество принявших крещение, оставалось не значительным. Не смогли решить власти так же и проблему массового перехода из православия в ислам инородческого населения. Следует отметить, что принятие православия носило зачастую формальный характер и рассматривалось инородческим населением, как устройство социально-экономического благополучия. Тем более, что предоставление льгот использовалось как наиболее привлекательный факт принятия православия. Указ 1905 г. о веротерпимости привел к обострению межконфессиональных противоречий в государстве, а также вызвал резкое сокращение количества желающих принять православие в регионе. Кроме того, правительство, несмотря на все попытки торможения перехода из православия инородческого населения, путем длительных и сложных судебных разбирательств, уже не могло сдержать желание мусульман вернуться к вере предков.

Литература

Алексеев, 2002 - Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик Российской истории) // Религиоведение. 2002. №2. С. 29–40.

Басилов, Кармышева, 1997 - Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: Восточная литература РАН, 1997. 240 с.

Бессмертная и др., 2010 - Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В., Федорова Ю.Е., Чалисова Н.Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.

Верт, 2012 - Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

ГААК - Государственный архив Алтайского края.

ГАОО - Государственный архив Омской области.

ГАТО - Государственный архив Томской области.

Глухарев, 1894 - Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. М., 1894.

Горбунова, 2003 - Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской империи // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти З.М. Залкина: мат. конф. / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Азбука, 2003. С. 247–252.

Ибрагимова, 2006 - Ибрагимова З.Х. Ислам и христианство на Северном Кавказе: история взаимоотношений // Религия и право. 2006. №1–2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sclj.ru/news/detail> (дата обращения: 15.10.2014)

Иванцова, Коновалова, 2002 - Иванцова Г.И., Коновалова Е.Н. Противомусульманская миссия новокрещенного Ефрема Елисеева в Тобольской епархии // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 170–172.

Ислам..., 2001 - Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 367 с.

Конев, 2008 - Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 303–319.

Лысенко, 2010 - Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 195 с.

Мавлютова, 2002 - Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 195–197.

Октябрьская, 2002 - Октябрьская И.В. Ислам и православие на Алтае. История и специфика диалога // Сибирь на перекрестке мировых религий: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 205–207.

Октябрьская, 2008 - Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межэтнической коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 340–359.

Поплавская, 1995 - Поплавская Х.В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30–60-е гг. XIX в.) // ЭО. 1995. №5. С. 99–109.

ПСЗРИ, 1830 - Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XIX. 1081 с.

ПСЗРИ, 1908 - Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1908. Собрание III. Т. XXV. 966 с.

Ремнев, 2006 - Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. №4. С. 5–31.

СЗ РИ, 1912 - Свод законов Российской империи. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 5. 780 с.

Султангалиева, 2007 - Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 5–29.

Тихонов, 2007 - Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е гг. // Отечественная история. 2007. №3. С. 60–65.

Тихонов, 2008 - Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последнее четверти XVIII – начале XX в. СПб.: СПбГУ, 2008. 368 с.

Томилов, 1993 - Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 222 с.

ЦГИА РБ - Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Цысь, 2002 - Цысь О.П. Миссионерская деятельность среди татар Тобольской епархии в конце XIX – начале XX в. // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 244–246.

Шерстова, 2000 - Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // ЭО. 2000. №4. С. 102–108.

Шерстова, 2005 - Шерстова Л.И. «Новые» этносы и «новые» религии: к проблеме генезиса этнического самосознания (на материалах тюркских сообществ Западной Сибири XIX–XX вв.) // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 69–77.

Шершнева, 2013 - Шершнева Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат на соискание степени к.и.н. Барнаул, 2013. 23 с.

Ядринцев, 2000 - Ядринцев Н.М. Сочинение: в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

Dashkovskiy, Shershneva, 2015 - Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX - early XX centuries // Bylye Gody. 2015. V. 36. Is.2. P. 338-346.

References

Alexeev, I.L. Some of the most historical country security and political evolution of the legal status of Islam and Muslims in the history of Russia "V. V. imp XIX – the beginning free the XX century (on the history of relations O. civilization the journal" problems of Russian logic) // Religious studies. 2002. No. 2. S. 29-40.

Basilov V.N., Karmyshev Neoclassical. X. Kazakhstan also Islam (until 1917). Moscow: Vostochnaya Literatura " of RAS, 1997. 240 p.

Central archive of historical national emblem of the Republic. F. 295. On. 11. D. 495.

Collection of laws of Russian Imperial history. SPb.: Typography II Branch E. I. V. Office, 1908. Assembly III. K. XXV. 966 p.

Czys O.P. In the area of the Tobolsk diocese of the Missionary outreach of the late XIX – early XX century. free // Mendeleev Turk peoples: Mat. V Sibirsk /Executive Committee of the Symposium "Cultural heritage of the peoples of Siberia "took part inventories" / resp. edited by A. V. Nesterov. Tobolsk; Omsk State Pedagogical University, 2002. P. 244-246.

Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state for the control of the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2015. V. 36. Is.2. P. 338-346.

Glukharev M. Thoughts about how the Jews between the further spread of the Christian faith, and Mohammed, in which the imp is not a pagan history of Russia. M., 1894.

Gorbunov S.V. is Not baptized, comprising the Imperial history of Russia in Kazakhstan // *Central Asia and Siberia. First reading memory Zalina Z. M. Barnaul: Azbuka*, 2003. P. 247-252.

Ibragimova Z.H. Christianity and Islam in the North Caucasus: in the journal "the history of relations // law and religion. Spain. 2006. No. 1-2 [Electronic resource"]. – URL: <http://www.sclj.ru/news/detail> (date of the address: 15.10.2014)

Immortal O.Yu., Zhuravsky A.Yu., Smirnov A.Yu., Fedorova Yu.E., Chalisova N.Yu. Muslims at the address: Russia and the world: otherness as a problem. M: Not the shame of Slavic culture, 2010. 528 p.

Islam in Russian Imperia (legislative acts, description, statistics) / comp. D.Y. Arapov. M.: Akademkniga, 2001. 367 p.

Ivantsova G.I., Konovalova E.N. Efremov V. Eliseeva of Tobolsk novokreshenov Protivotumanki the mission of the diocese // *Mendelev Turk peoples: Mat. V Novosibirsk / Executive Committee of the Symposium "cultural heritage of the peoples of Siberia "took part inventories". Tobolsk; Omsk State Pedagogical University, 2002. S. 170-172.*

Konev A.Y. the Influence of religious factors on the status of aboriginal people. legal Novosibirsk (XVIII–XIX centuries) // *The population of Siberia: strategy and practice of intercultural communication (XVII – early XX centuries): collected articles. Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and Ethnography of SB RAS, 2008. P. 303-319.*

Lysenko Yu.A. The Missionary work of the Russian Orthodox Church of Kazakhstan gathered in (Deut single half of XIX – early XX century). Barnaul: Publishing house of horses. University press, 2010. 195 p.

Mavlyutov In G. S. Conversion to Christianity in Siberia reserves // *Mendelev Turk peoples: Mat. V Sibirsk Executive Committee of the Symposium "cultural heritage of the peoples of Siberia "took part inventories" / resp. edited by A. V. Nesterov. Tobolsk; Omsk State Pedagogical University, 2002. P. 195-197.*

Oktyabrskaya I.V. Islam and Orthodoxy in the Altai. In the journal "the History and specifics of the dialogue // *Siberia at the crossroads of world religion," Mat. Mezhhregion. scientific.-practical. Novosibirsk: Nguyen, 2002. P. 205-207.*

Oktyabrskaya I.V. Orthodoxy and Islam: cooperation in inter-ethnic communication light on the experience of organizations (on the examples of Kazakhstan Altai) // *Population of Siberia: strategies and practices of inter-ethnic communication (XVII – early XX centuries): collected articles / ed. edited by A.V. Bavly. Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and Ethnography of SB RAS, 2008. P. 340-359.*

Poplavskaya J. V. Problems of the Orthodox missionary in the Altai (30-60-ies of XIX century) // *EA. 1995. No. 5. P. 99-109.*

Remnyov A.V. Tatars in the Kazakh steppe: the ally and the opponent is not the Imperial history of Russia // *Bulletin of Evraz in the Czech Republic. M., 2006. No. 4. P. 5-31.*

Shershneva E.A. About the Situation of Muslims of Tomsk province in the context of a Single " General Church-state policy of Russia in second single the history of the Imperial half of the XIX – early XX century free author's abstract on competition of degree of candidate of historical Sciences Barnaul, 2013. 23 p.

Sherstova L.I. the Influence of state policy on the southern half of the XIX century ethnic the first such process in the Siberian V. // *EA. 2000. No. 4. P., 102-108.*

Sherstova L. I. "New" ethnic group and "new" religion in the Czech Republic: the Genesis of the problem of ethnic self-consciousness to it (Turk powder stock material on the community of Siberia XIX–XX centuries) // *The peoples " Evraz in the Czech Republic. Ethnicity, ethnic identity, ethnicity: issues of transformation and taught groups. Novosibirsk: Publishing house of Institute of archeology and Ethnography of SB RAS, 2005. P. 69-77.*

State archive of the Altai territory.

State archive of the Omsk One.

Sultangaliyev A. In the evolution of Islamic Kazakhstan V. // *Turkological collection Voronezh. Voronezh, 2007. Vol. 7. P. 5-29.*

Tikhonov A.K. the Factor of Russia in the Volga region in 1860-1870-ies. // *In the journal " Russian history. 2007. No. 3. P. 60-65.*

Tikhonov A.K. is Not Catholic, Muslim and Jew. the last imp is the fourth in the history of Russia XVIII – early XX century. St. Petersburg, 2008. 368 p.

The code of laws of Russian Imperial history. SPb.: Russian book organizations, homeowners associations "figure", 1912. K. 5. 780 p.

The laws of Russian Empire full of history with 1649 year. SPb.: Typography II Branch E. I.V. Office, 1830. I. Assembly of the XIX. 1081 p.

Tomilov N. And. In the magazine " that taught ethnic history (in Siberia I supply material). Tomsk: TSU Publishing house, 1993. 222 p.

Vert P. Orthodoxy, non-Orthodoxy, heterodoxy: sketches on the history of "history of Russia in the magazine" the diversity of religious empires. M.: New Outlook", 2012. 280 p.

Yadrintsev N.M. Sochin: V.K. 2 K. 2: Mendeleev Novosibirsk natives, their life and current situation. Tyumen: publishing house of the J. Andris, 2000. 336 p.

УДК 904

Взаимоотношения мусульманских общин и Русской православной церкви в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. в контексте религиозной политики России

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений между Русской православной церковью и мусульманскими общинами Западной Сибири в контексте религиозной политики России во второй половине XIX – начале XX в. Господствующее положение Русской православной церкви привело к тому, что правительство видело в ней своего соратника по проведению русификаторской политики среди инородческого населения и размыванию религиозных особенностей инославных конфессий, в т.ч. ислама. Такая линия национальной политики России вынуждало представителей мусульманских общин к активному отстаиванию своих прав, а также к массовому отходу из православия лиц, ранее принявших данную религиозную традицию. Попытки правительства вмешаться в конфессиональные вопросы не приводили к желаемому результату, а наоборот вызывали в мусульманской среде негодование. Принятый в 1905 г. Указ о веротерпимости еще более сократил количество инородцев, желающих принять православие. С этого времени открылось больше возможностей для функционирования мусульманских общин в разных регионах Российской империи, хотя полной свободы совести еще не было.

Ключевые слова: ислам, православие, Западная Сибирь, государственно-конфессиональная политика, крещение, веротерпимость.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpn.asu.ru (П.К. Дашковский),
D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)